

З В Ъ З Д А

еженедельная газета.

Адрес конторы и редакции: С.-Петербург, Б. Московская д. 16, кв. 9.
Контора открыта с 12 до 6 ч. дня. | Прием в редакции с 4 до 6 ч. дня.

Выборы в Государственную Думу в Москве.—Смерть П. Ф. Якубовича-Мельшина.—Женское движение за границей.—Сабастовка моряков.—Фельетон Г. Плеханова.

ВЫШЕЛ № 3 ФИЛОСОФСКОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

« М Ы С Л Ь »

СОДЕРЖАНИЕ:

В. Ильин. По поводу юбилея Клара Цеткин. П. Зингер. Ю. Каменев. Либерализм, демократия и 19 февраля. Г. Зиновьев. Ремесленный съезд. В. Ильин. Наши упразднители (оконч.). Я. Градов. Ответ на вопрос.

На темы дня: Ю. Стеклов. Думские заметки. Гр. Параллели. Иностранное обозрение. О. Рутштейн. От Гулля до Лестера. Из хроники рабочего движения на западе. Общественно-экономическая жизнь.

Подписная цена: На год — 3 р., на 6 мес. — 1 р. 60 к., на 3 мес. — 85 к. Для студентов, учителей, рабочих, торгово-промышленных, городских, земских и железно-дорожных служащ. на 1 г. — 2 р. 50 к., на 6 мес. — 1 р. 25 к. Цена отдельного № — 30 коп.

Журнал продается: в Петербурге — в маг. «Общественная Польза», М. О. Вольф и др.; в Киеве — в книжн. маг. «Труд» (Фундуклеевская) и др.; в Баку — в кн. маг. Сундукянц; в Казани — в кн. маг. бр. Башмаковых, Н. М. Дмитриева, Маркелова и Шарапова и др.; в Нижн.-Новгороде — в кн. маг. «Наука и жизнь»; в Луганске — в кн. маг. Годенко, Петербург. ул.; в Саратове — в кн. маг. «Основа», «Современник» и др.; в Одессе — у Б. А. Борохова (Софийская, 32). В Вильне. — Контора газ. и журн. «К и А» (Завальная, 40); в Екатеринбургe — в кн. маг. Блохиной; в Харькове — И. Л. Кагана (Воскресенская пл., № 11) и ряде провинциальных городов.

Профессиональным, потребитальным, культурно-просветительным и др. организациям бесплатно высылаются пробные №№ для ознакомления.

Иногородняя подписка во избежание задержки должна направляться исключительно по адресу Конторы журнала

Адрес редакции и конторы: Москва, Б. Пресня, д. № 36, кв. № 56.

С.-Петербург, 19 марта.

20-го марта предстоят в Москве выборы члена в Гос. Думу. Этот факт должен тем более привлечь к себе внимание демократических слоев населения, что Гос. Д. — один из памятников той борьбы, которую народные мыслы вели за переустройство России. День выборов — это день, когда демократический избиратель может своим избирательным бюллетенем сказать, что он сохранил все стремления, одушевлявшие его 6 лет тому назад, что ни от одного из них он не отказался. И чтобы он мог сказать свое веское слово сознательно и внушительно, нужно, чтобы он серьезно и вдумчиво взвесил создавшееся положение. Нужно, чтобы он подвел итоги тому, что произошло в последние годы в нашей стране.

Политика успокоения

Поворотным пунктом за это время был, несомненно, акт 3-го июня. Стремлениям демократии противопоставлено было объединенное дворянство, которому пришла на помощь на-смерть перепугавшаяся проснувшегося народа крупная буржуазия. Вместо обещанного, под давлением народного движения, всеобщего избирательного права, от избирательных урн устранена была значительная часть крестьянства, почти весь пролетариат, ограничены были в избирательных правах различные народности, населяющие Россию, и все слои интеллигенции. А чего не сделал избирательный акт, доделывают услужливые разъяснения Сената да давление администрации в пользу господствующих партий, давление, доходящее до произвольного массового устранения демократических избирателей и арестов неугодных кандидатов, яркой иллюстрацией чего является совокупность репрессивных мер московской администрации против соц.-демократических избирателей и их кандидата И. И. Скворцова.

Вместо возвещенных, под давлением народного движения, свобод, даны были жалкие временные правила о собраниях и союзах, о печати, о самоуправлении высшей школы и о вероисповедной свободе. Но даже и эти жалкие правила не соблюдались. Вместо всех правил и законов, поставлен был один всеобщий и всепокрывающий закон об исключительном положении, закон, который есть отрицание всяких законов, который объявляет единственным законом произвол и фантазию крупных и мелких чиновников. По приговорам военных судов за один месяц посылалось на виселицу больше людей, чем повешено было в России за все 19-е столетие. Десятками тысяч исчисляются те, что административным порядком заточаются в тюрьмы и ссылаются в пустынные уезды северных губерний и Сибири. В местном самоуправлении усиленно проводится попытка искоренения неугодных элементов. Печать подвергается таким преследованиям административным и судебным, каких она не знала даже в мрачную реакцию 80-х г. и в темные годы правления фон-Плеве. Общества и союзы, учрежденные на основании правил 4-го марта, преследуются и закрываются. Отнята автономия высшей школы, которая отдана в распоряжение полиции,

и старейший из университетов — московский, этот организованный центр культуры и расадник науки, подвергнут вандализму разгрому. Свобода совести сведена почти на-нет. Против национальностей, входящих в состав России, объявлен крестовый поход. Финляндия лишена своей конституции. На евреев воздвигнуты такие гонения, равные которым знают только средние века.

Рабочее движение преследуется и гонится самым произвольным образом. Указ 2-го декабря, объявивший стачку закономерным действием, фактически отменен. Рабочие организации экономические и политические почти уничтожены.

Реакция и 3 Дума

Гос. Дума, при деятельной помощи думского большинства, идущего навстречу малейшему желанию бюрократии, фактически превращена в законосовещательное учреждение.

И это положение вещей окончательно закреплено актом 14 марта. Через нее проводятся только те проекты, которые угодны правительству. А если она иногда, что случается крайне редко, принимает под давлением оппозиции какую-нибудь поправку к правительственным проектам, то Госуд. Совет, в котором обеспечено большинство за крайними правыми, их уничтожает. Рядом с этим идет

сужение бюджетных прав Думы. Запросы отвергаются послушным большинством даже тогда, когда незакономерность действий правительства и его агентов очевидна и бесспорна.

Известна социальная политика, которую вело правительство при поддержке этой Думы. В деревне поставлена пресловутая «ставка на сильных», преданы все интересы слабых и внесен раздор в крестьянскую среду. Что касается рабочих, то широкое рабочее законодательство, возмещавшееся в первых двух Думах, свелось пока к проведенному в Думе законом 15-го ноября, который по справедливости можно назвать законом о лишении отдыха торговослужащих.

Что касается национального вопроса, то Дума и правительство стремились превзойти друг друга в выдумывании все новых и новых гонений на народности, населяющие Россию, в ограниче-

нии и без того слишком ограниченных прав их.

Демократия и 3 Дума

И тем не менее демократия должна крепко держаться за это свое завоевание. Рядом со всеми отмеченными отрицательными сторонами, на которые ни в коем случае нельзя закрывать глаза, Дума имеет и положительные стороны, которыми

Граждане-избиратели г. Москвы
ГОЛОСУЙТЕ
ЗА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧ. КАНДИДАТА
В ГОС. ДУМУ
Ивана Ивановича
СКВОРЦОВА

Бури

Волна опустилась, в куски раздробилась,
Лишь пенился слабый прибой...
И только вдали еще чайки резвились,
Да тучи над морем чернели, клубились,
Дыша замиравшей грозой...
Но смелый рыбак еще медлил плыть в море,
С тревогой на небо смотрел,
Где тучи боролись в неконченном споре,
И ветер, как будто в задумчивом боре,
Порой пролетая, шумел.
И думал рыбак: «Не окончилась буря,
Поднимется море волной...
Не видеть нам долго небесной лазури...
Ох, будет еще, будет грозная буря,
Заплачет, застонет прибой...
И много погибнет еще средь пучины
В борьбе бури с морем седым,
Прибавится много и горя — кручины,
И много сирот от тяжелой годины
Останется близким родным!».

И. Шадрин.

Еще о Толстом

(Окончание)

VII

Теперь мы видим, что отрицательное отношение гр. Толстого к той жизни высшего сословия, которую он прежде так увлекательно изображал в своих художественных произведениях, действительно, имело свой задаток в прежних взглядах Толстого. Оно коренилось в христианском отрицании всякой жизни вообще, поскольку она не служит подготовкой к загробному существованию. Когда Толстой, в брошюре «Какова моя жизнь?», громил дам, ехавших на бал в дорогих нарядах, он аргументировал почти как социалист. Его главным доводом был довод об эксплуатации человека человеком, и, несомненно, настойчивое обращение Толстого к этому доводу доказывает сильное влияние на него социализма, но это сильное влияние осталось поверхностным. Оно могло по временам видоизменять аргументацию Толстого, но не могло ни на волос изменить его мирозерцания. Почему достойна осуждения экс-

демократия не может не дорожить. В эти мрачные годы реакции Дума была и есть наше главное оружие гласности. Во многих случаях она — единственная трибуна, с которой можно говорить о вопросах, изъятых из общественного обсуждения. Она — единственный уголок в России, где можно перед лицом всей страны подвергать критике произвол реакции. Она — единственное место в стране, откуда можно обращаться ко всему русскому народу, к народным массам, к рабочему классу. Голос, раздающийся в ее стенах, единственный достаточно громкий, чтобы быть услышанным в самых отдаленных уголках страны.

Дума, как орудие гласности, пропаганды, агитации и политического воспитания народных масс, является, таким образом, необходимым учреждением. И чем сильнее будут в нем представлены демократические слои населения, тем большую службу может оно им сослужить. В момент, когда правительство мероприятиями последних дней стремится ликвидировать и этот памятник завоеваний 1905 г., долг и обязанность каждого гражданина дать достойный ответ на подобные попытки. Дополнительные выборы от гор. Москвы — это лучший случай, когда избиратели имеют полную возможность выразить свое резкое отношение к правительству актов 3 июня и 14 марта.

Партии в 3 Думе

Кому должны отдать свои голоса все те, которые желают полного реформирования общественно-политической жизни страны? Конечно, не тем, которые, посулив избирателям, что главной целью их работы в Думе будет «развитие и упро-

чение конституции», продали и предали все, что красовалось на их знамени, и этим сделали возможным, поддерживая правительство во всех его главных стремлениях, во всей его антиконституционной политике, тот порядок вещей, против которого гг. октябристы яко бы теперь начинают протестовать.

И если таково должно быть отношение сознательных, демократических избирателей к гг. октябристам, то с другой стороны, они не могут голодовать за кадетского кандидата. Конституционно-демократическая партия, благодаря любезности московской администрации, заняла монопольное положение на дополнительных выборах; она чувствует себя с развязанными руками и может говорить и клеветать на своих противников сколько угодно; но она не должна забывать, что рано или поздно массы населения узнают, как далеки разноглагольствования кадетских сирен от объективной правды, что они являются действительными защитниками интересов демократии и поборниками действительной конституции.

Начав с неудачных попыток итти рука-об-руку с октябристами, они в процессе своей работы не только не сумели согласовать свою тактику с создавшимся положением вещей и раз навсегда сложить с себя всякую ответственность за все то, что делается правительством при поддержке солидарной с ним Думы, но демонстративно и принципиально отмежевались от последовательной демократии. Все свои упования фракция к.-д. в Думе возлагала и возлагает на различные внутри-думские комбинации, которыми она подменяет действительное соотношение сил в стране; она по-

плоатация человека человеком? Чтобы понять это, надо вспомнить, как защищает Толстой в брошюре «К рабочему народу» свое учение о непротивлении злу насилием. Он советует рабочим не участвовать в насильственных действиях «не потому, что это для рабочих невыгодно и производит их порабощение, а потому, что участие это есть дурное дело, от которого должен воздерживаться всякий человек» (стр. 22). Но если данные поступки людей дурны не потому, что они вредят интересам их ближних, — чтобы остаться в пределах примера, взятого самим Толстым, скажу: не потому, что они ведут к порабощению одного класса другим, — а только потому, что они дурны сами по себе, то где же надо искать критерия добра и зла? На этот вопрос Толстой дает ответ, вполне гармонирующий со всем его миросозерцанием, основанным на противопоставлении «духа» «тела», «вечного» — «временному» и «мирскому». Критерий добра и зла обязан своим происхождением не земле, а небу, не людям, а высшему существу.

«Жизнь мира совершается по чьей-то воле, — учит Толстой, — кто-то эту жизнь всего мира и нашими жизнями делает свое какое-то дело. Чтобы иметь надежду понять смысл этой воли, надо прежде всего исполнить ее, делать то, чего от нас

хотят. А если я не буду делать то, чего хотят от меня, то и не пойму никогда того, чего хотят от меня, а, уж тем менее, — чего хотят от всех нас и от всего мира». («Исп.», стр. 45).

Зародыш такого отношения к вопросам нравственности тоже коренился, конечно, в прежних настроениях Толстого, например, в том, которым продиктован был вышеприведенный отзыв о юристом Грише. Понятно, что, когда христианин победил в Толстом язычника, то великий писатель земли русской уже не мог сомневаться в правильности такого отношения. Он окончательно решил, что критерий добра и зла надо искать не на земле, а на небе. С другой стороны, понятно и то, что, раз придя к этому окончательному решению, Толстой должен был взглянуть на жизнь трудящегося народа, как на жизнь, исполненную глубочайшего смысла.

Не надо обманывать себя. Главная привлекательность народной жизни состояла для Толстого не в том, что народ живет трудами рук своих, а в том, что этот труд освящается религиозной верой. Толстой говорит: «И я стал вглядываться в жизнь и верования этих людей, и чем больше я вглядывался, тем больше убеждался, что у них есть настоящая вера, что вера их необходима для них, и

стоянно мечется из стороны в сторону, то пугая правительство призраком общественного движения, то возлагая все свои надежды на то или другое соглашение с теми, кто, по выражению депутата Милюкова, «не мог жить с достоинством». Колеблющаяся, нерешительная позиция, колеблющаяся, нерешительная тактика — вот основные черты кадетов.

Голосуйте за с.-д.

И, как вывод отсюда, мы должны сказать, что все, кому дороги интересы народа, всякий, кто сознает необходимость определенно и резко подчеркнуть свое принципиальное осуждение всему правительственному курсу, должен голосовать за И. И. Скворцова, как за представителя той идеологии, для которой думская деятельность — лишь одно из проявлений самостоятельности народных масс вообще, рабочего класса в особенности; в чьих глазах думская деятельность может быть плодотворна лишь постольку, поскольку она отражает сознательную волю народных масс, поскольку она тесно связана с этими массами, поскольку она содействует организации общественных сил и их политическому воспитанию.

Поддержать эту позицию, единственно целесообразную, долг и обязанность всякого демократического избирателя, и к этой поддержке голосованием за И. И. Скворцова мы и призываем московских избирателей.

Московские выборы

Дополнительные выборы одного члена Гос. Думы от города Москвы — достаточно ли важно это событие, чтобы привлекать к себе общественное внимание в данный момент?

Внимание России, скажут нам, приковано к более важным событиям, — еще не изжит до конца министерский кризис, еще только назревает парламентский кризис.

Все это так, но, по нашему мнению, рядом с этими фактами московские выборы не только не теряют своего значения и интереса, а получают его сугубо.

Ходы Трепова и Дурново под Столыпина и ход Столыпина под них; калейдоскоп имен из верхов — Нейдгардтов, Стишинских, Акимовых, Коквцовых, Кривошеинных, вавилонское столпотворение в 3-й Гос. Думе, где послушные октябристы стали в оппозицию, где расторопный Гучков, стоявший так долго одной ногой на председательской трибуне, а другой в передней премьера, вдруг поджал под себя обе ноги и сел в простое депутатское кресло; медленное, но несомненное передвижение в Гос. Совете, подобно сдвигу вековых геологических пластов — все это, несомненно, должно интересовать всю Россию. События знаменательные.

Но, ведь, все это там — «на верху»: и совет министров, и Гос. Дума, и Гос. Совет, и камарилья, и подкопы, и интриги, и роспуски, и заседания, и запросы без ответов.

одна дает им смысл и возможность жизни. В противоположность того, что я видел в нашем кругу, где возможна жизнь без веры, и где из 1000 едва ли один признает себя верующим, в их среде едва ли один неверующий на тысячи. В противоположность того, что я видел в нашем кругу, где вся жизнь проходит в праздности, потехах и недовольстве жизнью, я видел, что вся жизнь этих людей проходила в тяжелом труде, и они были довольны жизнью. В противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишения и страдания, эти люди принимали болезни и горести без всякого недоразумения, противления, а с покойною и твердою уверенностью в том, что все это должно быть и не может быть иначе, что все это — добро». («Исп.», стр. 42).

Это понятно; гр. Толстой иначе и не мог смотреть на народ. Кто противопоставляет «дух» — «телу», «вечное» — «временному», для того самые жгучие вопросы общественной жизни имеют интерес лишь постольку, поскольку они касаются его религиозного верования. Нам, совершенно отрицающим правомерность названного противопоставления, ясно, что в рассуждения Толстого забралось здесь одно неосновательное обобщение. Наш великий художник очень ошибался, думая,

что трудящаяся масса всегда и везде относится к своим страданиям и лишениям с спокойной и твердой уверенностью в том, что все это должно быть и не может быть иначе, что все это — добро. Так она относится к ним лишь при известных общественных условиях, вызывающих весьма значительную отсталость ее самосознания. Но самосознание изменяется с изменением общественных условий. Мало-по-малу масса расстается с тем квиэтизмом, который привлек к ней горячие симпатии Толстого. Промышленный рабочий класс реагирует на свои лишения и страдания совсем не так, как реагировал на них крестьянин доброго старого времени. Но когда Толстой говорил: «народ», он разумел именно крестьянина доброго старого времени, представлявшегося ему в виде все выносящего и все прощающего Платона Каратаева (в «Воине и Мире»). Современный пролетарий совсем не похож на Платона Каратаева. Поэтому Толстой смотрел на современного пролетария, как на печальную ошибку в ходе общественного развития. Если бы он способен был серьезно заинтересоваться общественной жизнью и деятельно вмешаться в нее, то он непременно начал бы с того, что попытался бы повернуть назад колесо истории. Его «мирское сочувствие, — а такое со-

Московские выборы, это «внизу» — это на улице обывателя, избирателя, гражданина. Парламентские выборы это единственный случай, когда и рядовой гражданин имеет право и возможность сказать свое политическое слово, стать перед лицом «верхов» и дать прямую и откровенную оценку.

С этой точки зрения нас и интересует действительная картина московских выборов.

Могут ли граждане Москвы сказать сейчас свое прямое, свободное слово, могут ли сказать его по совести и убеждению? Конечно нет.

Москва не в пример другим городам и округам России имеет прямые выборы, а не двух- и трехстепенные: каждый голосует непосредственно за своего кандидата. Но значит ли это, что каждый гражданин может сказать свое слово? Нет. На миллион жителей гор. Москвы, граждан, имеющих право голоса, к основным выборам в 3-ю Гос. Думу было только 42 тысячи.

Теперь, ко времени дополнительных выборов, число избирателей уменьшилось до 24 тысяч.

Конечно, эти права избирателей обеспечены, прежде всего, за привилегированными гражданами, за господами, на долю граждан из среды народной — рабочих, ремесленников, приказчиков, служащих перепали крохи прав. И убыль за три года в списках избирателей тоже, конечно, пала на их долю: они кочевали за это время с квартиры на квартиру, с места на место, и за эту непоседливость их лишили гражданских прав.

Нет у нас всеобщего избирательного права для всех граждан, только избранная горсточка лиц обладает этими правами по существующему зако-

ну. Но пусть эта горсть использует свои гражданские права.

По закону у нас есть свобода предвыборной кампании, пусть они ею воспользуются.

Но и это не для нас: все свободы давно изгнаны из обихода русской действительности, не может быть места и свободе выборной кампании, взамен и здесь, как везде, мы имеем попечительный надзор администрации.

Можно ли допустить, чтобы каждый гражданин, даже из узкого круга избирателей, мог сказать свободное слово?

О, нет! Это должен взвесить г. градоначальник. «Союзник», конечно, высказаться может; если он и допустит какую непристойность, — это не опасно.

И националист может пропеть публично свой гимн.

Октябрист к начальству учтив, а если к тому же он больше привержен к энтомологии, чем к политике, больше интересуется козявкой, мушкой, таракашкой, чем миром людей, — и он может говорить.

Кадет — опасный говорун, бранит правительство красно, но он не красный и по существу не опасный. Он любит противопоставлять правительственной порочности свои добродетели. Он хотел бы сесть скорее на правительственные места. Пусть помечтает, пусть превозносится, он дальше трибуны с своим боевым кличем не пойдет.

Неприятен и опасен социал-демократ. Он не себя выдвигает, не о своих добродетелях говорит. Он против правительственных махинаций и интриг выдвигает на сцену народные интересы. Он та-

чувствие всегда есть, даже у человека, взор которого, повидимому, совершенно прикован к вечному, — направлено было в прошлое, а не в будущее. Он отрицал не все прошлое, а только одну из его сторон, и это отрицание одной из сторон прошлого дополнялось у него идеализацией другой стороны. «Переворот», который случился с ним в начале 80-х гг., и зародыши которого давно уже зрели в его душе, не облегчил ему понимания будущего, а напротив, сделал такое понимание совсем для него недоступным. Вот почему нельзя не подивиться наивности г. П. Ш., который в № 8 «Киевской Мысли» за нынешний год (см. статью «Памяти Одинокого»), уверяет, что «слово» Толстого обращено к далеким поколениям и непременно «дойдет» до них. Оно, пожалуй, и в самом деле «дойдет», но только тогда, когда наша планета начнет, согласно весьма вероятным предсказаниям некоторых естествоиспытателей, клониться к упадку, и человечество, в своем отступлении назад, опять приблизится к тому положению, в котором находилась некогда крепостная Россия. А при этом условии, предсказания сентиментального г. П. Ш. оказываются довольно сомнительным комплиментом.

Г. Плеханов.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПИСЬМА

Женское движение

(Письмо из Львова)

Два месяца тому назад социал-демократический съезд в Копенгагене провозгласил «праздник женщин» 19 марта и издал воззвание к женщинам, чтобы в этот день они начали неуклонную борьбу за права, которые уже имеют мужчины. И это воззвание было одновременно обращением ко всему пролетариату, который один является последовательным борцом за равноправие женщин. Клич датских товарищей был услышан. Кроме Дании в этом новом празднике приняли участие Германия, Швейцария и Австрия.

Рабочее движение в Галиции, в стране по преимуществу земледельческой, экономически отсталой, к тому же с реакционной польской шляхтой у кормила правления, — не отличается особенной интенсивностью и в этом отношении стоит далеко позади такового, напр., в Чехии, Нижней Австрии. Тем более приходится отметить, что празднование